

фантастическая  
*история*

Книги Алексея Фомина  
в серии «Фантастическая История»

**Цикл**

**«Миры «новой хронологии»**

ВРЕМЯ МОСКОВСКОЕ  
ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕЛИКОГО ВОЕВОДЫ  
ЖРЕБИЙ ОКАЯННЫЙ. БРАСЛЕТ  
СПАСТИ ИМПЕРИЮ!



МОСКВА, 2014

фантастическая  
история



Алексей Фомин

# Спасти империю!



ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5  
Ф76

Серия основана в 2010 году  
Выпуск 91

**Фомин А. Н.**

**Ф76** Спасти империю!: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 344 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1702-5

Наш современник, заброшенный в шестнадцатый век, не только выжил, но и неплохо там устроился, став одним из богатейших людей государства. Но останавливаться на этом он не имеет права. Вот и приходится лезть в политику, втираться в царское окружение. А один день, проведенный в этом серпентарии, можно смело засчитывать за десять. Но и здесь вроде он начал осваиваться: мало того что убить себя не дает, так еще умудрился самого Малюту Скуратова завербовать. Да и молодой царь почти что в друзьях у нашего героя. Только, оказывается, этого недостаточно, чтобы всерьез влиять на события. Есть еще некий тайный орден, вершащий судьбы всего человечества. И без «разборки» с главой этого ордена не спасти империи. Ни в прошлом, ни в будущем.

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Фомин А. Н., 2014  
© Художественное оформление,  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1702-5

## I

Занятно все-таки устроена психика человеческая. Скорее даже не просто психика, а вся психоэмоциональная сфера в целом. Ведь частенько бывает так, что сознание диктует человеку одно, подсознание шепчет ему о втором, а инстинкты просто вопят о третьем. И на все это накладывается целая гамма чувств и эмоций, испытываемых человеком во время этого дичайшего душевного раздрая.

Еще несколько минут назад, засыпая на пухлых царских перинах, Валентин чувствовал себя отпускником-курортником, отправляющимся к теплому морю, чтобы понежить себя любимого сладчайшим бездельем после тяжких трудов и не самых простых испытаний. Но стоило ему проснуться в лобовской лаборатории и вкратце доложить о результатах своего полета, как его мозг принялась терзать отвратительная, но оттого не перестающая быть справедливой, мыслишка: «Скорее, скорее! Время здесь и время там — это примерно один к десяти. Я должен успеть вернуться в шестнадцатый век, пока этот чудик Михайла Митряев еще спит сладким сном. Не то он мне там таких дел наворотит...»

А вот этого никак нельзя было допустить. Ведь первый день в Александровской слободе сложился как нельзя лучше. Все, что Валентин планировал вместе со своими друзьями, удалось претворить в жизнь на «пять» с плюсом. И результат не замедлил сказаться — дружеское расположение молодого царя, считай, завоевано, да и всеильный регент, царский дядька Никита Романович, отнесся к гостям весьма благосклонно. Царские дружки, соп-

ляки избалованные, восприняли, правда, Валентина в штыки, но это ерунда. Чувствуют пацаны, что их мягко, вежливо, но настойчиво взялись оттирать от царя, вот и злобятся.

Но Валентина они беспокоили меньше всего. Да, они здесь внешний антураж создают. Все эти дикие выходки и проделки, шокирующие добропорядочных бояр и пугающие попов, — их извращенного ума и шаловливых ручек дело. Но погоду здесь делают не они. Есть в слободе люди посерьезнее. И пострашнее. Об этом Валентин догадывался еще в Ярославле, а первые часы пребывания в Александровской слободе лишь утвердили его в этом мнении.

Знакомство с царевичем Иваном Ивановичем и вручение ему подарков прошло на «ура». Новый знакомец так приглянулся тринадцатилетнему Ивану, что он даже распорядился выделить в своем дворце покои для посланцев земства. Продолжиться знакомство с обитателями слободы и порядками, в ней царящими, должно было на пиру, на который Валентин и его друзья получили самоличное царское приглашение. Земцы едва успели расположиться на новом месте и обменяться первыми впечатлениями от увиденного (Валентин, правда, вместе с парой мастеровых еще успел поглядеть на зал, где обычно проходят пиры царские. Мастеровые кое-что обмерили, прикинули и пошли готовиться), как появился служка с уведомлением о том, что царь велит всем собраться в пиршественном зале. Вместе с приглашением он вручил каждому из приглашенных земцев черную монашескую рясу.

О царских пирах в Ярославле говорили разное. И Валентин постарался собрать все эти слухи, сплести воедино и тщательно проанализировать их. Рассказывали о чудовищном пьянстве, о непотребных плясках с распутными девками, а также об издевательствах над земцами, тем или иным образом оказавшимися за пиршественным столом. Поначалу шутили хоть и грубо, но без членовредительства. Если же земец, избранный мишенью для идиотских шуток царского окружения, вместо того чтобы по-

корно стать всеобщим посмешищем, вдруг начинал сопротивляться, а паче того, еще и пытался пристыдить охальников, то заканчивалось это плохо. Могли и в загородку к медведю пихнуть, а то и просто, без затей, кинжал под ребро сунуть.

В этих слухах, в частности, упоминалось и о том, что на пир царицы люди сходились одинаково одетыми — в монашеские рясы. Это у них символизирует принадлежность к единому духовному братству, ну и смирение якобы. Уже на пиру рясы сбрасывались, и гульба после того шла так, что дым коромыслом. А случайно заехавшие в слободу либо приглашенные, не принадлежащие к опричному братству, сидели за столом в своем платье, без рясы. И это их сразу выделяло из общей массы. Здесь же Иван прислал своим гостям монашеские одеяния, чтобы они не отличались от всех своим видом. И это был добрый знак.

В назначенный час по коридорам, лестницам и переходам дворца потянулись черные ручейки «монахов», спрятавших лица под просторными капюшонами и смиренно сложивших руки на животе. Валентин, выглянув из своей комнаты, проводил взглядом одну группу эдаких вот «братьев» и, дождавшись появления второй, сделал знак своим — выходим, мол. Дон Альба, Силка и Ероха, тоже нарядившиеся в широченные рясы, пристроились вслед «монахам». Замыкал процессию ряженных Валентин.

У входа в пиршественный зал их невольные проводники, против ожидания, не остановились, а прошли внутрь через широко распахнутые двери и, разойдясь по залу, уселись каждый на свое место. Столы, стоящие буквой «П», не располагались посередине, а были смещены к одной из стен так, что в зале еще оставалось достаточно свободного места. У поперечины «П» с наружной ее стороны стояли стулья с высокими, прямыми спинками, покрытыми искусной резьбой. Вдоль остальных столов стояли простые лавки по обе стороны. «Монахи» уверенно, без суеты и какого-либо шума рассаживались по лавкам. По-

хоже, место каждого здесь было заранее определено и оставалось всегда неизменным.

Валентин с товарищами невольно притормозили, остановившись посреди зала и усиленно соображая, где бы им пристроиться. Стулья, судя по всему, предназначались для царевича и его приближенных. Там бы и надо было оказаться Валентину. Но эта часть стола до сих пор была не занята, а стать первым за царским столом Валентин по вполне понятным причинам не стремился. Неизвестно, сколько бы длилось это замешательство, но тут один из монахов схватил Валентина за рукав рясы и слегка потянул к себе. Валентин обернулся. Из-под низко надетого на лицо капюшона на него блеснули озорные глаза Ивана.

— Пойдем со мной, — молвил он.

— А мои друзья, ваше величество? — так же тихо спросил Валентин.

— Пусть сядут там... — Иван указал рукой на конец одного из столов.

Валентин последовал за царем, в то время как Ероха, Сила и дон Альба расположились там, где им было указано. Стоило царевичу занять свое место за столом, как места рядом с ним мгновенно оказались заняты. Валентин, не готовый к такому повороту событий, так и остался стоять несолоно хлебавши. Но не успел он присмотреть себе свободное место, как царевич пихнул кулаком в бок своего соседа.

— Федька, уступи место Михайле, — зашипел он на своего соседа справа.

— Отец магистр-игумен, негоже параклисиарху на куличках сидеть, — ответил тот. — Мне же молитву читать...

— Хорошо, — частично согласился с ним царевич, — сядь по леву руку.

— Но там же отец келарь сидит.

— Ничего, пересядет. — Иван дернул за рукав сидевшего слева от него. — Афонька, пошел вон.

Тот дернулся от неожиданности, но перечить не стал.



Послушно поднялся и пересел на пустовавшее место в конце царского стола. В результате этой рокировки наконец-то освободилось место для Валентина. Едва он уселся справа от царевича, как тот зашептал ему на ухо:

— Про нас многие болтают нехорошее. Мол, чуть ли не богоотступники мы... Слышал небось?

Валентин лишь пожал плечами, не зная, что ответить на этот кажущийся столь простым вопрос. Но Иван и не ждал, оказывается, от него ответа, тут же уверенно заявив: — Брехня все это. Сейчас сам увидишь. На самом деле у нас тут строго. Орден монахов-воинов. Триста человек нас. И все сейчас за столом на трапезу собрались. Я — магистр-игумен, Федька Романов — параклисиарх, а Афонька Вяземский — келарь.

— Можно начинать, отец магистр-игумен? — прозвучало слева.

— Давай... — разрешил Иван.

Спрашивавший поднялся и, низко опустив голову, что, видимо, должно было обозначать высшую степень смирения и благочестия, нудным голосом принялся бубнить слова молитвы. Все «монахи», сидевшие за пиршественным столом, вслед за «отцом параклисиархом» склонили покрытые капюшонами головы к сложенным лодочкой ладоням.

«Как-то все это не очень по-православному выглядит, — заключил Валентин, глядя на эту картину. — Хотя могу и ошибаться. Эксперт я в этом вопросе никакой. Но ясно, что здесь больше игры, чем истинной религиозности. Параклисиарх... Келарь... Магистр-игумен... Вряд ли это исходит от Ивана. Скорее, Федьки Романова придумка. Ведь если мне не изменяет память, то он станет после Смутного времени не только отцом первого царя в династии Романовых, но и патриархом, и фактическим правителем. Оказывается, тяга к игре в монашество ему свойственна с юности...»

Пока Федька читал молитву, слуги покрыли столы скатертями из грубого, плохо отбеленного полотна и при-

нялись уставлять их едой и питьем. На столах появились простые деревянные блюда с квашеной капустой, мочеными яблоками и солеными огурцами. Черный хлеб, нарезанный крупными кусками, положили перед каждым монахом. По куску на брата. На каждых четверых ставили на стол глиняный кувшин с каким-то напитком. И никакой посуды, если не считать глиняных же стаканов, поставленных перед каждым.

«Параклисиарх» закончил читать молитву и, осенив «братию» широкими размашистыми крестами, благословил начинать трапезу. Все так же молча, степенно, несуетно братья наполнили из кувшинов свои стаканы и принялись вкушать поданную им постную пищу, время от времени запивая ее небольшими глотками. За царским столом было все то же, что и за другими. Вот только стаканы наполнили слуги.

— Видишь, как у нас? — шепнул Валентину царевич. — Умеренность, скромность и благочестие.

— У-умм, — промычал Валентин, не зная, хвалить или осуждать за столь примерное лицемерие.

— Ты еще завтра увидишь, как мы заутреню служим, как в колокола звоним... До свету начинаем.

— У-умм, — вновь промычал Валентин.

— Ты ешь, ешь... Чего же ты?

Валентин, побуждаемый царевичем, взял с блюда моченое яблоко и надкусил. Отличное яблоко! Надо бы разжиться здесь этим рецептом. В жизни Валентину не доводилось пробовать столь вкусных моченых яблок. Он отхлебнул из стакана. Пиво. Достаточно жиденькое. За без малого год, проведенный в шестнадцатом веке, Валентин привык к тому, что пиво здесь варят плотное и достаточно крепкое. У братьев же монахов даже пиво постное.

Время от времени царевич что-то шептал ему на ухо, и Валентин односложно отвечал: «У-умм», — неопределенно кивая. Царевичу, видимо, очень хотелось произвести благоприятное впечатление на представителя земства, а Валентин терпеливо ждал окончания затянувшегося пер-

вого акта. То, что представление затянулось дольше обычного, можно было понять по негромкому шуму, с некоторых пор возникшему за столом. «Братия», судя по всему, недоумевала, но выразить открыто свое удивление все же не спешила. Первым решился Федька Романов:

— Отец магистр-игумен, разреши... А?

Царевич обернулся к нему и замер в кратковременном раздумье. И тут Федьку неожиданно поддержал Валентин:

— Да, отец... Магистр-игумен, разреши.

— Давай, — радостно согласился царевич.

Федька вскочил на ноги и принялся стаскивать с себя рясу. Триста «монахов» только и ждали этого знака. Сразу же послышался гул множества голосов, шарканье ног и стук отодвигаемых лавок. Все как один дружно сдирали с себя рясы. Через несколько мгновений за пиршественными столами сидели не занудные монахи, а триста прекрасных витязей, блистающих золотой парчой своих нарядов. И со столами произошло чудесное превращение. Полотняные скатерти слуги свернули в большие узлы, унося в них постную еду и убогую посуду. На столах тут же оказались красные бархатные скатерти и серебряная посуда перед каждым гостем. На серебряных блюдах вносили в зал и расставляли разнообразную дичь. Были тут и лебеди в белоснежных перьях, сидевшие в посуде как живые, и жареные перепела, из тушек которых были сложены целые пирамиды, и много еще чего другого. «Да, — подумал Валентин, — кухня здесь — целое предприятие. Наверняка не меньше сотни человек трудится».

Но это было только начало, как оказалось. Во время наступившей части банкета уже громко звучали голоса, время от времени провозглашались тосты и здравицы. Заиграла музыка, но в целом все по-прежнему продолжалось чинно-благородно, ибо выпито было еще не так много. Наливали же всевозможные меды, и в питье никто никого не ограничивал. И часа не прошло, как слуги внесли в зал эту перемену блюд, еще не всех лебедей распо-

трошили, ободрав с них белые перья, еще не все тетерева, гуси и утки были доедены, как последовала новая перемена. На этот раз на столы стелили скатерти парчовые и посуду ставили золотую. Стол завалили всевозможными кушаньями из рыбы и мяса. Вино полилось рекой. Негромкую струнную музыку сменил хор в сопровождении целого оркестра рожечников. В зале появились скоморохи с медведем. Для начала они продемонстрировали примитивную и похабную пьеску, где толстопузый безмозглый боярин пытался соперничать с молодцом-опричником за любовь и благосклонность некой анонимной красавицы. Естественно, боярин, лузер и импотент, был посрамлен. Представление вызвало у публики бешеный восторг. Дальше скоморохи показали набор простеньких гимнастических и жонглерских трюков. В заключение мишка, держа в передних лапах шапку, отравился собирать подавание со зрителей. Если кто-то из опричников, отвернувшись в сторону, не обращал внимания на мишку, тот, прижав к себе одной лапой шапку, второй начинал трясти невнимательного жадюгу за плечо. Накал эмоций у зрителей был запредельным. Тем более что выпито было уже немало.

Именно в этот момент Валентин почувствовал, что пришло время для демонстрации очередного подарка. Он склонился к уху Ивана и зашептал:

— Ваше величество, вы хотели увидеть то, что умеет тигр. Прикажите...

— Что? Здесь? — удивился царевич. — Ты же говорил, что он опасен.

— Конечно, опасен. Но он будет вместе со своим учителем. Ведь никто же не считает опасным вот этого медведя... — Валентин мотнул головой в сторону дрессированного зверя, удалявшегося от них. — Впрочем, как хотите...

— Хочу, конечно хочу, — зажегся царевич. — Вели привести его!

Валентин поднял руку над головой, и Силка, давно ожидавший этого сигнала, сорвавшись с места, выбежал

из зала. А пир продолжался своим чередом. Царевы люди уже основательно поднабрались. Над столами повис гул голосов, по громкости соперничающий с хором и оркестром. Но в целом все было вполне пристойно. Никто никого за грудки не хватал, в морду не бил и ножиком не размахивал. «Да по сравнению с нашими свадьбами это просто детский утренничек», — усмехнувшись про себя, подумал Валентин.

Тигр дал знать о своем приближении громким рыком. Не сразу, постепенно смолкла музыка, оборвали свои споры пирующие. Сначала в зале появились двое мастеровых, расположивших большим квадратом на полу четыре ящика. Установили и тут же ретировались. Тигр вошел в зал, шествуя рядом со своим проводником-индусом смирно, как дрессированная собака. В зале мгновенно установилась мертвая тишина. Индус провел тигра по периметру квадрата, образованного ящиками, и усадил на один из них. В одной руке он держал цепь, идущую к ошейнику зверя, во второй — палку. Индус поднял палку, и тигр сел вертикально, как сурок, поджав передние лапы. Индус опустил палку, и тигр встал на ящике на все четыре лапы. Индус пристукнул палкой по полу, и тигр перепрыгнул на соседний ящик. Еще один пристук — и еще прыжок. Описав полный круг, тигр вновь сел на задние лапы. Индус заставил его соскочить на пол и подвел чуть ближе к зрителям. Он сам поклонился чуть не до земли, и тигр, припав на передние лапы, опустил на них голову. Получалось, что тигр тоже кланяется зрителям. После троекратного поклона индус, выбрав цепь почти до конца, направился к выходу. Зал загудел на множество голосов. Может, от восхищения, а может, и от радости, что эдакое страшилище убралось наконец.

— Эй, земский, и это все, что может твоя тигра? — язвительным тоном осведомился Федька Романов. — Последний облезлый мишка у скоморохов умеет гораздо больше.

— Он только начал учиться, — спокойно, не поддаваясь на явную провокацию, ответил Валентин. — Мишек

скоморохи с младенчества обучают. А это взрослый дикий зверь, пару месяцев назад еще по лесу бегавший.

— Все одно... — Федька махнул рукой. — Чепуха!

Иван, до того молчавший, вдруг прикрикнул:

— Дурак, Федька! Мой тигра! Не смей! — И уже спокойно поинтересовался у Валентина: — А медведя он задерет?

— Ну, таких, как только что здесь был, так двух сразу. А то и больше, — уверенно заявил Валентин.

Обиженный Федька, сразу же потеряв интерес к обсуждаемому предмету, поднялся на ноги и заорал:

— Эй, музыканты! Чего замолчали? Федька, Петька, чего пригорюнились? Иль тигры испугались? Ну-ка станцуйте чего повеселее!

Братья Басмановы словно только и ждали этого призыва. Великолепным кульбитом, которому позавидовал бы и профессиональный гимнаст, перескочив через стол, они пустились в пляс. Тут же к ним стали присоединяться охотники показать себя в зажигательном танце. Но до братьев Басмановых остальным было как до Луны. То ли вина перебрали и отяжелели, то ли Басмановы были чудо как хороши.

— Эй! Эй! Эй! Жги! Давай! — заорал что есть мочи Федька и, заложив в рот два пальца, по-разбойничьи засвистел.

И вот тут-то в зал лебедушками, одна за другой, вплыли двадцать красавиц. Музыка стала ровнее, мелодичнее. Пройдясь мелким, семенящим шагом по свободной части зала, они свили хоровод и заскользили друг за другом по кругу, будто и вправду это скользят белые лебеди по зеркальной глади озера.

Словно громом пораженные этой красотой, все мужчины замерли на месте, и только Басмановы Федька с Петькой, влетев в девичий круг, стали отплясывать внутри него, но уже плавней и изящней, сообразуясь с ритмикой хоровода.

Про танцы на царском пиру — особый разговор. Люд-

ская молва утверждала, что именно в этот-то момент и начинаются самые большие безобразия — чуть ли якобы не до свального греха доходит. В подобную версию событий Валентин не верил, будучи еще в Ярославле, а уж тем более маловероятной она казалась ему теперь. И вовсе не потому, что был он необычайно высокого мнения о моральном облике обитателей Александровской слободы. Нет, ничуть. Он-то как раз понимал, что в опричные подобрались все как один — мерзавец к изуверу и клятвопреступник к садисту. Думать так его побуждало элементарное знание человеческой психологии. А уж изучению этой науки вечный студент Валентин Василенко посвятил вполне достаточно своего личного времени. Чтобы в компании из трехсот мужских рыл случилось нечто похожее на свальный грех, женских особей должно быть ну никак не меньше ста пятидесяти.

А вы себе можете представить коллектив из ста пятидесяти незамужних женщин, собранных в одном месте? Коллектив, единственная задача которого ублажать и веселить царевича и триста его дружков-оболтусов? Тем более русских женщин. Да такой коллективчик будет представлять собой сгусток энергии похлеще атомной бомбы. Он способен взорвать что угодно. Если бы Никита Романович совсем ополоумел и позволил своим сыночку и племяннику собрать такую толпу баб ради удовлетворения их молодецких инстинктов, то давно бы уже не было ни опричнины, ни Александровской слободы. Можно, конечно, нагнать девок силой, из-под палки, и держать их за решеткой. Это пожалуйста. Хоть сто пятьдесят, хоть полторы тысячи. Но такие девки не будут ни плясать, ни радоваться. Так что подобное решение отпадает. Поэтому Валентин и был уверен, что опричных подружек вряд ли больше двадцати. И то перебор.

Так и оказалось на самом деле — двадцать танцорш-лебедушек. И каждая из них может быть уверена в своей личной неприкосновенности в данный конкретный момент. Ибо слишком много среди этих молодых и

горячих парней (а у каждого из них, между прочим, еще и кинжал за поясом) тех, кто жаждет быть первым, и почти нет никого, кто согласился бы сейчас стать вторым. А по-сему тот, кто протянет руки куда не следует, тут же по ним и получит.

Единый хоровод распался на пять маленьких хороводиков, движущихся не только вокруг своей оси, но и по большому кругу, по которому только что кружился большой хоровод. Скорость вращения возросла, движения танцорш стали резче. Теперь то одна, то другая, подпрыгивая, задирала ногу, отчего из-под юбок показывалась до середины голени голая нога. Это был даже не канкан, но у опричников подобные «па» вызывали весьма бурную реакцию. Однако дальше восторженных криков дело не пошло. «Ну да, — подумал Валентин, — положим, некоему Проньке, перевозбуждившемуся от вина и лицезрения маленького кусочка женской плоти, и хотелось бы шлепнуть какую-нибудь Веселинку по мягкому месту, но Пронька прекрасно помнит, что к Веселинке ходит и Угрюм, и Рябой, и Павсикакий. Черт его знает, что они себе вообразят. Хлопнет ее Пронька, а кто-нибудь из них вдруг сдуру обидится да и воткнет ему в этот момент кинжал меж лопаток. Нет уж. Он, Пронька, лучше подойдет к ней, к Веселинке, завтра днем, когда народу не так много будет, даст ей гривенный, и благодарная Веселинка сделает ему хорошо. А сейчас — ну ее, эту Веселинку...

Женский кордебалет отплясывал еще какое-то время, после чего потные, уставшие девки покинули зал, даже не соблазнившись тянущимися к ним со всех сторон полными кубками. Надо полагать, выпить им было что и где. А может, и обрыдло им все это. Пьянка эта самая. Ведь не первый же день опричному движению.

— Видал, как танцуют? — поинтересовался Иван у Валентина. — Небось никогда не доводилось видеть такого? — Здесь Иван расхохотался. — Бояре как видят наши танцы, так сразу ругаться начинают. Кто Бога поминает, кто черта...



— Ваше величество, я рад, что вам нравятся танцы, ибо...

— Это смотря какие танцы, — перебил его царевич. — Такие, где девки телесами трясут, точно нравятся.

«Для них, людей шестнадцатого века, подобные развлечения небось верх утонченного разврата, — подытожил Валентин. — Пора и мне выкладывать на стол свои козыри».

— Ваше величество, я приготовил для вас еще один подарок.

— Да? Так давай его.

— Это не совсем обычный подарок. Это тоже танец.

— Так показывай!

Валентин вновь помахал рукой Силке, и тот выбежал из зала.

— Нужна небольшая подготовка, ваше величество.

Тут как раз последовала новая перемена блюд. Слуги убрали парчовые скатерти и застелили столы скатертями из белого набивного шелка. Появились фрукты, ягоды, сладости и орехи. Перемена блюд и суета, с этим связанная, оказались как нельзя кстати. За это недолгое время Валентиновы мастеровые, приведенные Силкой, успели установить дубовый шест, уперев его одним концом в пол, а вторым — в потолок.

— Зачем это? — удивился царевич.

Слуги уже покинули зал, и теперь все пирующие с интересом и недоумением взирали на вертикально установленный шест, возникший между столами. А тут и Ероха появился, ведя за руку девушку. Он довел ее до шеста и оставил в одиночестве, направившись к оркестру. Девушку эту нельзя было назвать упитанной, про нее даже не скажешь «в теле», хотя и худышкой она не была. То есть явно не из тех, про которых говорят: «Секс так и прет». Валентин нашел ее в Ярославле у скоморохов. Та скоморошья команда делала в своих представлениях сильный упор на гимнастику. И выделялся в этой команде один подросток. В отличие от остальных своих собратьев он был не только силен, гибок, скоординирован и резок. Он

был еще удивительно пластичен и артистичен. Он умудрялся попадать в такт даже той варварской музыке, которая сопровождала выступление скоморохов и была не более чем фоном.

Валентин сразу же понял, что это девушка, переодетая мальчишкой. Для задуманного им она подходила идеально. А собрался он поразить царевича, обвиняемого общественным мнением в развратности, зрелищем, являющимся в двадцать первом веке практически общедоступным. И впрямь, кто из Валентиновых современников не видел стриптиза? Разве что деревенщина какая-нибудь, живущая в медвежьем углу, до которого даже сигнал телевизионного спутника не доходит.

Почему именно стриптиз? Потому что стриптиз — это разврат. А чем еще можно поразить развратников и завоевать их симпатии, как не развратом, да еще таким, о существовании которого они и подозревать не могли? Ведь здешние танцульки, по меркам Валентина, это никакой не разврат, а самый настоящий детский сад. Да и прочие любимые занятия парней, сидящих за этим столом, вроде «развлечений» с девками в земских селах во время набегов, это тоже не разврат. Это изуверство. А вот стриптиз — это разврат самый настоящий. Утонченный и изощренный.

За одиннадцать месяцев, проведенных в шестнадцатом веке, Валентин неоднократно имел возможность убедиться, что мы, люди двадцать первого, ничуть не умнее, не сильнее, не храбрее и не благороднее наших предков. Если уж в чем-то мы и продвинулись по пути прогресса и превзошли своих предков, то это как раз в тех самых человеческих качествах и в том самом опыте, которые искони относились к ведению сил зла. Вот на этой стезе люди шестнадцатого века против нас сущие младенцы. Именно использование этого своего «преимущества» помогло Валентину не просто выжить здесь, в совершенно новой, незнакомой ему обстановке, и за короткое время достичь высот могущества и богатства, став местным олигархом.

Поэтому и в Александровской слободе он не стал изменять уже не раз опробованному методу. «Если уж вас, ребята, все считают развратниками, более того, вы сами, похоже, считаете себя развратниками, да еще и бравируете этим, то тогда, друзья, я вам покажу, что такое настоящий разврат», — думал Валентин в тот самый момент, когда его «воспитанница» подошла к шесту.

Заиграли гусли, ударил бубен, задавая ритм. Танцовщица подпрыгнула, ухватилась обеими руками за шест и подтянулась. Сделав мах ногами, она раскрутилась вокруг шеста и, совершив три оборота, опустилась на пол. Отпустив шест, она сделала несколько оборотов в сторону царского стола и обратно, раздув при вращении юбки пузырем. Тут же молниеносным движением она задрала подол верхней юбки и сдернула ее с себя. Зрители синхронно выдохнули: «Ох!» — и юбка, раскрученная над головой, полетела к ним. Треск раздираемой ткани — и она исчезла с глаз долой, будто ее крокодилы проглотили.

Дальше Юлька (так звали танцовщицу — Иулиания), попеременно кривляясь то у шеста, то выходя поближе к зрителям, снимала с себя юбку за юбкой, швыряя их в разные концы пиршественных столов. Гимнасткой Юлька была замечательной, да и танцовщица из нее получилась отличная (в Ярославле Валентин нанял ей учителя танцев и вместе с ним ставил номер). Публика забыла о вине и еде и неотрывно следила за танцем, то охая и рыча, то замирая в полной неподвижности.

Валентин внимательно наблюдал и за царевичем Иваном, и за остальными опричниками. Конечно, здесь были далеко не все царевы люди, а только верхушка, особо приближенные. Но среди присутствующих заметить рыбасоидов Валентину не удалось. Хотя сказать уверенно, что ему удалось рассмотреть все лица, он не мог. Все-таки триста человек как-никак. Да и собранный Лобовым каталог рыбасоидских физиономий, с которым Валентин ознакомился самым тщательным образом, мог быть дале-

ко не полным. Требовалась более тщательная проверка. Но это уже не за столом.

Юлька танцевала около получаса. Все ее двадцать юбок переключали к наэлектризованной публике. Осталась она в одной рубашке, то и дело открывавшей ее ноги, когда она, ухватившись руками за шест, делала «свечку». Этот номер она повторила раз шесть, и каждый раз публика встречала его звериным, утробным ревом. Рубаху она снимала с себя долго, мучительно долго, изрядно потерзав публику, изжаждавшуюся до лицезрения обнаженного женского тела. И наконец-то рубаха была снята и полетела на царский стол, где и исчезла в мгновение ока. То, что увидела публика, завело ее больше, чем если бы Юлька предстала перед нею совершенно голой. В едином порыве все вскочили на ноги, еще мгновение — и, казалось, озверевшие опричники кинутся рвать на молекулы несчастную танцовщицу. Но... вновь заиграла музыка, за мгновение до того умолкшая, и Юлька продолжала танцевать, а опричники стоя, но оставаясь на своих местах, продолжали пожирать ее глазами, сопровождая ревом каждый ее трюк.

Одеяние Юльки, точнее, то небольшое, что на ней осталось, для человека шестнадцатого века было даже более эротичным и удивительным, чем ее танец. Просто Валентин вовремя вспомнил о своей первоначальной бизнес-идее производить женское белье. Реанимировать эту идею в промышленных масштабах ему было уже ни к чему, но вот заказать индпошив небольшого количества комплектов нижнего женского белья показалось весьма перспективным. Трусики, бюстгалтеры и пояса были пошиты из плотного шелка и кружев со вставками в необходимых местах китового уса, а чулки — из тончайшего полупрозрачного шелка. В число «обшитых» попала и Юлька. Надо сказать, что, когда она надела на себя всю эту амуницию и увидела свое отражение в зеркале, самооценка ее выросла раз в десять. Не меньше. Валентин же (вернее, Михайла Митряев), которого она уважала и ра-

ныше за предоставленный ей жизненный шанс, стал для нее кем-то вроде полубога. Да и втрескалась, похоже, балаганная гимнастка Юлечка в своего господина и работодателя по самые уши.

Что может быть эротичнее молодой стройной женщины в нижнем белье? Особенно если на ножках у нее полуботиночки с десятисантиметровым каблучком? По мнению Валентина, такое зрелище было куда как развратнее и эротичнее обычной голой девки. Голых девок все видели. А вот такого... Реакция же друзей убедила его в собственной правоте. Процесс раздевания в танце надо остановить на уровне «до белья».

Завершая выступление, Юлька прокрутилась пару раз вокруг шеста на максимальной амплитуде, соскочила на пол и, не гася инерции, пробежала к царскому столу. Там поклонилась в пояс, замерев так на пару секунд, чем довела публику буквально до иступления.

— Ваше императорское величество, мой танец закончен. Разрешите мне удалиться...

По поводу этой фразы Валентин долго спорил с друзьями. Те настаивали, что Юльке ничего не нужно говорить, а надо просто выбежать из зала, а Ероха, Силка и дон Альба последуют за ней и прикроют ее какой-нибудь одежкой. Но Валентину нужна была эта фраза, нужен был этот контакт танцовщицы с Иваном, чтобы перебросить мостик к дальнейшему.

Федька Романов вдруг поднялся на ноги и как сомнамбула потянулся к Юльке, но тут же получил от Ивана удар в плечо увесистым золотым кубком.

— Не лезь... Ко мне обращаются. — Тут уже сам Иван, как только что до него Федька, потянулся к Юльке. — Подойди поближе...

Вот этого-то момента и ждал Валентин. Мгновенно сориентировавшись, он ухватил царевича под руку и шепнул ему на ухо:

— Ваше величество, она не по этой части. Только танцевать горазда. А в любовной науке — дура дурой. Это я

вам точно говорю. Сам сколько раз пробовал... Все без толку. Ничему не научишь. Но есть у меня одна... Такая мастерица! По всему свету искать будешь — второй такой не сыщешь. А уж сказок сколько знает...

Про сказки Валентин ввернул намеренно. Поговаривали, что царевич Иван, терзаемый страхами и дурными видениями, частенько не может ночью заснуть. И немудрено. Все-таки мальчишке четырнадцатый год всего. А в этой своей слободе да в набегах на земские деревни насмотрится днем всякого... Тут тебе и убийства, и насилие, и прочие иные изуверства. И взрослый после такого не заснет. Вот и стал к себе царевич звать на ночь сказочников. Чтобы засыпать, значит, под их сказки. Но со сказочниками — тоже беда. Где их наберешься, этих сказок, чтобы каждую ночь новые рассказывать? А за повторы царевич под горячую руку и прибить может.

Вот и решил Валентин одним выстрелом сразу двух зайцев убить — и ночную кукушку, которая будет по его заданию перекуковывать кукушку дневную, то есть Никиту Романовича, в постель к царевичу подложить, и решить окончательно проблему со сказочниками, чтобы никто лишний возле Ивана не отирался. Нехорошо, конечно, устраивать мальчишке «медовую ловушку». Педофилия это самая настоящая. Но если посмотреть с другой стороны... Он, царевич, так и так уже давно с девками и бабами пугается. А то и еще чего похуже — с дружками своими, Басмановыми, как народ болтает. Так пусть уж лучше с одной, с приличной женщиной, которую ему Валентин подобрал.

Сказочный архив у Валентина был практически неисчерпаем. Одной «Тысячи и одной ночи» на сколько хватит... Но Валентин был уверен, что большого количества сказок его протеже и не понадобится. Она и без сказок найдет чем царевича занять и как побыстрее погрузить его в объятия Морфея.

В поисках такой мастерицы-«сказочницы» Валентин отправился на ярославское торжище, на одну из его улиц,

где постоянно собирались представительницы древнейшей профессии. Подкатили они туда вместе с доном Альбой на легкой двуколке. Нарумяненные и наряженные жрицы любви стояли или прохаживались по тротуару вдоль забора какого-то склада, держа губами колечко с бирюзой.

— Здравствуйте, девочки, — громко поздоровался Валентин, когда дон Альба остановил двуколку.

— Здравствуй, боярин, — ответила ближайшая к нему девка, вынимая изо рта колечко. — Выбери меня...

Но тут же двуколку обступили и другие «жрицы».

— Меня, боярин... Меня... — твердили они. — Гляди, какая я ладная! А уж как любить тебя буду...

— Послушайте, девочки, не галдите все сразу, — попробовал навести хоть какой-то порядок Валентин. — Каждой из вас я дам сейчас по алтыну. Но вы мне честно скажите, кто из вас самая лучшая? Кто самая большая мастерица в вашем ремесле?

Эта попытка Валентина внести в разговор некую упорядоченность сразу же бесславно провалилась, так как раззадоренные обещанием дармовых денег девки вконец обезумели и лезли к двуколке, отталкивая друг друга и вопя:

— Я... Я... Я...

Валентин даже растерялся от такого напора бестолковых девок (ну как с такими людьми разговаривать?), но положение спас дон Альба. Он поднялся на ноги и, оттянув хлыстом самых наглых, взревел:

— Молчать, дурищи! Все назад!

Мера эта оказалась весьма действенной. Жрицы любви отлипли от двуколки и, вновь поднявшись на тротуар, выстроились в линеечку по его краю. Базар сразу же прекратился.

Валентин выбрался из двуколки и подошел к девке, стоящей первой с левого края. Он взял ее за руку и вложил в ладонь три копейки.

— Кто?

— Аська, — охотно ответила девка.

Он протянул деньги следующей.

— Кто?

— Аська...

Еще шаг.

— Кто?

— Аська...

Следующая.

— Кто?

— Я.

— Ты Аська?

— Нет. Ольга я. Но я самая лучшая.

Валентин смерил ее внимательным взглядом, переглянулся с доном Альбой и качнул головой.

— Нет. Молода слишком.

Следующая взяла деньги и, не дожидаясь вопроса, представилась:

— Аська — это я. Они не врут. Я действительно самая лучшая.

Внешность ничего, подходящая. Да и возраст соответствующий, не девочка уже.

— Дети у тебя есть? — поинтересовался Валентин.

— Зачем тебе мои дети, боярин? — удивилась она. — Ах, ты из этих... Тьфу! — Сплюнув, она бросила деньги на мостовую и отошла от края тротуара. — Поезжайте отсюда, бояре. Таких, какие вам нужны, вы здесь не найдете.

Следом за ней и другие отошли от края тротуара.

— Эй-эй, да вы меня не так поняли, — принялся оправдываться ошарашенный Валентин. — Мы совсем не такие! Мне просто нужно знать, есть ли у женщины дети, чтобы...

Но его, казалось, никто уже не слушал. Жрицы любви, словно позабыв о «боярах» и их обещании заплатить каждой по алтыну, уже вернулись на свои первоначальные позиции. Валентин поглядел на дона Альбу, словно спрашивая его: «Что же делать?» — но тот лишь пожал плечами в ответ. Валентин уже было собрался сесть в двуколку, чтобы уехать отсюда, как к нему подошла женщина лет тридцати



и тронула его за рукав. Во время всеобщего ажиотажа среди ее товарок она, казалось, не проявляла никакого интереса к происходящему, спокойно стоя в отдалении.

— Я знаю, боярин, кто тебе нужен, — сказала она. — Эти соски... — презрительно улыбнувшись, она мотнула головой в сторону товарок. — Они даже не представляют, что значит быть лучшей. Понаехали тут... Вчера лишь из дремучих лесов повыбирались и вообразили себе... Деревенщина. — Она так и пылала горючей ненавистью и презрением к своим более молодым и, судя по всему, более удачливым коллегам. — Да они, если хочешь знать, боярин, вообще о мастерстве любви понятия не имеют. Только и умеют, дурищи стоеросовые, что лежать, как колоды, да болтать без умолку. Тьфу! Анчутки проклятые! — В сердцах сплюнув, она перевела дыхание и продолжила: — Тебе, боярин, Василиса-портниха нужна. Вот уж мастерица была! Она в свое время по всему Ярославлю гремела! И тогда она была непревзойденной. А уж с нынешними и сравнивать нечего.

— Так где найти ее, эту Василису? — заторопился Валентин. Он достал из кармана гривенный и сунул в руку женщине. — Да не стара ли она слишком?

— Не-эт... Я же поняла, что тебе нужно, боярин. Годков тридцать ей, не боле. И детишек двое: мальчик и девочка. Десяти и двенадцати лет. Уж и красавица она, и умна, и заботлива, и предусмотрительна, а ремеслом любовным владеет, как никто другой.

— Так где живет она?

— А давай сейчас прямо и покажу.

Валентин подсадил женщину в двуколку, следом уселся сам, и дон Альба тронул лошадь. По дороге они узнали от словоохотливой собеседницы, что Василиса не «работает» уже года три-четыре. На собранные деньги (большая редкость для особ этой профессии) купила себе дом. А при доме еще и мастерская имеется. Наняла четырех мастериц-беловшеек и шьет теперь детскую одежду на продажу. Живет, не бедствует.

Судя по рассказу, личностью Василиса была неординарной. Это уже хорошо. А остальное выяснится при личном контакте.

Остановились у небольшого ладного домика в Гончарной слободе. Проводница, спрыгнув с двуколки, громко постучала в калитку.

— Василиса, открой! Это я!

На стук открыла сама хозяйка. Пока она здоровалась со старой подругой, Валентин успел рассмотреть ее с высоты своей двуколки. Красавица, несомненно. Идеально чистая белая кожа без единой морщинки. А то, что тридцатник ей, это даже скорее хорошо. Да, фигура слегка отяжелела, зато появилась эдакая основательность, матерость. «Чисто внешне идеально подходит на роль любовницы-мамочки, — решил Валентин, — а как у нее со всем остальным, сейчас выясним».

Он слез с двуколки и подошел к женщинам.

— Здравствуй, Василиса. — Он вложил в ладонь проводнице еще один гривенный. — Спасибо, что проводила. Ты иди, нам с Василисой потолковать надо.

— Здравствуй, сударь. Не знаю имени твоего. — Василиса с интересом и без всякого страха или сомнения глядела на незнакомца, привезенного к ней старой подругой. Несомненно, та успела шепнуть ей, в связи с чем он разыскивает ее. — Извини, но делом, которое тебя интересует, я уж давно не занимаюсь. Не обессудь, ничем не могу помочь.

— Я Михайла Митряев, — представился Валентин. — Слышала, наверное, такую фамилию?

Василиса усмехнулась.

— Еще бы. Не только фамилию, но и имя твое слышала, и про то, как ты отчима своего из города вон направил, тоже слышала. Не думала, что ты так молод.

— Молодость — это недостаток преходящий, — изрек Валентин. Василиса рассмеялась. Похоже, новый знакомый начинал ей нравиться. — Земство меня, Василиса, послом к царю направляет. Боярская дума и купеческая

гильдия считают, что я сумею молодого царя уговорить с раздором и разделением в стране нашей покончить.

— Что ж, Бог в помощь тебе, Михайла Митряев. Дело большое, а ты, видать, из молодых да ранний. Справишься — глядишь, и боярство тебе пожалуют.

— Боярство мне, Василиса, ни к чему. У меня и так есть все, что человек только пожелать может. Не о себе хлопочу. О родине нашей и обо всех людях русских печалюсь.

— Ты, сударь, человек большой, и заботы у тебя большие. От меня-то что тебе нужно? Я человек маленький, и мирок мой маленький, и делишки у меня маленькие. А все, что за пределами моего мирка делается, меня не касается.

— Ой ли? Слышала небось, что опричные с земскими вытворяют, когда на отдаленные деревни наезжают?

— Слышала. Я-то при чем?

— А ты думаешь, что если все так оставить, то рано или поздно они сюда не нагрянут? А у тебя детишки... Подумай, что с ними станет.

Она лишь пожала плечами и отвернулась в сторону.

— О таких делах пусть первые люди думают, а я самая распоследняя.

— Неправду говоришь. В своем ремесле ты тоже первая.

— Я уже говорила, ремеслом этим больше...

Но Валентин перебил ее, не дав договорить:

— Одному мне ничего не добиться. Со мной друзья мои едут. И каждый из них — первый в каком-либо деле. — Он кивнул в сторону двуколки. — Вон... Иван Альба, испанский дворянин, не одну войну прошел. Нет ему равных во владении любым оружием. И он о благе нашего народа думает. И другие так же. Нам лишь тебя не хватает.

— Ох... — тяжело вздохнула Василиса. — Ну и прилипчивый ты, как банный лист. Чего же ты хочешь от меня? Чтобы я вас там ублажала, пока вы за родину сражаетесь? — спросила и ехидно улыбнулась.

Это было уже кое-что. Хоть и гипотетически, но она уже допустила, что может стать членом команды. Теперь можно было перейти и к материальным стимулам.

— Ты заработаешь очень хорошие деньги. Твой сын станет членом купеческой гильдии. Разве не об этом ты мечтаешь? — Валентин внимательно посмотрел ей в глаза. — А по поводу того, что тебе придется нас ублажать... Может, тебе вообще никого не придется ублажать, — сказал Валентин. — Нас-то уж точно.

— Чего же тогда ты, сударь, от меня хочешь? — искренне удивилась Василиса. — Что я могу? Неужто обшить кого надо?

Материальная заинтересованность, конечно, вещь очень важная, но идея, общая цель, общая задача куда важнее. Об этом Валентин знал не только из учебников бизнес-этики и корпоративного управления, когда-то пролистанных им, но и из собственного жизненного опыта. И Василиса, похоже, уже начала проникаться этой общей идеей.

— Царевич Иван сирота с шести лет, с тех пор как умерла его мать, царица Анастасия. Воспитывался у дядьки, без материнской ласки и женского влияния. Отсюда и та жестокость, та резкость в характере, о которых все говорят. Ты же станешь ему близким человеком, заместо матери ему будешь.

— Это каким же образом мне такое удастся?

На этот раз Валентин решил не лукавить:

— Он любит, когда ему сказки на ночь рассказывают. Я тебя представлю как знаменитейшую сказочницу в Ярославле. Либо...

— Либо?... — переспросила Василиса.

— Либо, если не пройдет вариант со сказочницей, представлю тебя как величайшую мастерицу в любовных утехах.

Василиса аж захлебнулась от возмущения.

— Так ты меня хочешь в постель с мальчишкой уложить?! Ему же небось лет десять всего!

— Четырнадцатый пошел, — с совершенно невинным выражением лица поправил ее Валентин, решив вновь прибегнуть к маленькой хитрости. — Опять же не факт,

что тебе придется с ним в постель ложиться. Ведь ты же всегда умела мужчинами вертеть, как твоей душеньке заблагорассудится. Как дело поведешь... Может, он сразу же к тебе сыновним почтением проникнется, и ни о какой постели и речь идти не будет. Да и... В конце концов, даже если разок-другой что приключится, то греха на тебе не будет. Не ты его развращала. Сама небось слышала, что развращен царевич уже давно и сверх меры. Не ты, так другая в его постели окажется.

— Слышала... — Василиса ненадолго задумалась. — Приезжай завтра, дам ответ.

Так бывшая проститутка, а ныне портниха и предпринимательница Василиса оказалась в команде Валентина.

— Проводи меня в опочивальню, — приказал царевич Валентину. — Он выбрался из-за стола и, слегка покачнувшись, оперся на плечо Валентина. Тут же к нему подскочили и братья Басмановы, и отец келарь, князь Афанасий Вяземский, но царевич твердо проговорил: — Пошли вон! Все пошли вон! Желаю, чтобы только Михайла меня до спальни провожал!

Столь резкое возвышение в дворцовой иерархии наверняка добавило врагов чересчур удачливому купцу, но Валентин по этому поводу не переживал. Волков бояться — в лес не ходить. А не для того ли он сюда ехал, чтобы стать доверенным человеком царевича и научиться им управлять?

Так, в обнимку, сопровождаемые доном Альбой, Силкой и Ерохой, добрались они до царской спальни, где Валентин сдал пьяненького царевича на руки денщику. Но Иван воспротивился, когда тот принялся раздевать его.

— Пошел вон! Михайла, ты помоги мне раздеться!

Еще Валентин не закончил раздевать царевича, как в дверь спальни постучали.

— Заходи... — разрешил Иван. — Кто это?

— Сказочница, ваше величество, — вкрадчивым тоном произнес Валентин. — Помните, я вам о ней говорил.

В полутьме, царившей в спальне, Василиса смотрелась

даже эффективнее, чем при дневном свете. Она подошла к Валентину и мягко отстранила его рукой.

— Ваше величество, давайте я помогу вам сапожок стянуть. У меня ловчей получится. — Иван плюхнулся на постель, а его сапог каким-то непостижимым образом оказался в руках у Василисы. — Вы прилягте, ваше величество. Так сподручней будет. — Она легонько, едва коснувшись плеча, подтолкнула его, и Иван развалился на постели, раскинув руки в стороны. — Она взялась за второй сапог, но прежде чем стянуть его, медовым голосом промолвила: — Я тут сказочку для вас, ваше величество, приготовила... Рассказать, может?

— Д-да?.. Давай.

— Давным-давно, за тридевять земель, в одном восточном государстве...

«Ну, с богом... — подумал Валентин. — Начало положено. Мне уже тут нечего больше делать». На цыпочках он вышел из спальни и осторожно притворил за собой дверь.

— Т-ш-ш, — приложив палец к губам, прошипел он охранникам, стоящим по обе стороны двери. — Государь спит.

Перед тем как отправиться спать, Валентин заскочил к друзьям. У тех накопилась целая куча впечатлений, вынесенных ими с царского пира, и они наперебой принялись ими делиться с Валентином, но он вынужден был остановить их:

— Стойте, стойте, парни. Все завтра. Надо хоть немного поспать. А то эти местные сумасшедшие грозились поднять нас до света — заутреню служить.

— Ну и что? — удивился Ероха. — Подумаешь... Можно и не поспать разок.

А вот этого Валентин никак не мог допустить. Ему за эти несколько часов сна предстояло еще смотаться в двадцать первый век и обратно. Учитывая, что время в будущем течет во много раз медленнее, у него будет для общения с Лобовым не более нескольких минут.

— Михайла прав, — поддержал дон Альба. — Завтрашний день может быть посложней нынешнего. Ложимся спать.

Через пару минут Валентин был уже в своей постели, и еще несколько минут ему понадобилось, чтобы провалиться в сон. А вот и белый туман, такой плотный, что в нем можно плыть, как в молоке. Из тумана Валентин вынырнул у самых ворот своего нового портала. Открыл ворота и вошел внутрь. И сразу сквозь большое панорамное окно увидел Веру.

— Привет, Вера! — сказал он. — Что сейчас у вас? День... Ночь?

— Ночь, — ответила Вера.

— Буди Михалыча, у меня мало времени.

Но не успела Вера тронуться с места, как раздался голос Лобова:

— Я здесь, Валентин. Начинаю отсчет. Десять, девять, восемь...

Валентин отпер замок и толкнул дверь наружу. Свет... Яркий свет лампы ударил ему в глаза.

— Энцефалограмма в норме. Пульс, давление в норме. — Это Вера. — Привет, Валя.

— С возвращением тебя, Валентин. — Это уже Лобов.

Валентин похлопал глазами, привыкая к яркому свету, сел.

— У меня совсем нет времени. Боюсь, клиент проснет-ся, когда я еще не успею вернуться. Нехорошо получится. Вера, даже датчики не снимай. Тащи сюда Михалычев лэптоп, мне надо базу рыбасоидов еще раз проглядеть.

Вера умчалась выполнять его просьбу, а Лобов, внимательно глядя на своего слипера, приказал:

— Докладывай, Валентин.

— Подробности позже, когда у меня будет чуть больше времени, а пока основное. Попал в одна тысяча пятьсот шестьдесят седьмой год. Прожил там двенадцать с половиной месяцев. Новый год там наступает первого сентября, и сейчас я нахожусь в октябре шестьдесят восьмого.

Браслет утерять сразу же, при переселении, и только сегодня его вернул. Можно сказать, случайно. Без браслета вернуться не мог, сколько ни пытался. Ни Рыбаса, ни рыбасоидов там не видел, но косвенная информация об их пребывании в этом времени имеется. Сегодня же удалось внедриться в местное руководство. Надеюсь обнаружить рыбасоидов именно там.

— Степень личной опасности?

Валентину очень не хотелось отвечать на этот вопрос, но куда не денешься. Он тяжело вздохнул.

— Я, Роман Михалыч, в Александровскую слободу сегодня прибыл. Послом к царю от земщины.

— К Ивану Грозному? В слободу? В это осиное гнездо? — ужаснулся Лобов.

В этот момент появилась Вера с уже включенным компьютером и поставила его на колени Валентину. На экране даже светилась нужная ему страница.

— Спасибо, — поблагодарил Валентин. — Не совсем к Грозному... Там царем сейчас тринадцатилетний мальчишка. Тоже Иван. Сын того самого Грозного. А Грозный за несколько лет до этого от трона отказался и в монахи подался. Его теперь все Блаженным Василием зовут. А всеми делами там царев дядька заправляет. Боярин Никита Романович Юрьев-Захарьин. Но опричнина на своем месте. И в принципе все на месте, за исключением нюансов.

— Но, насколько я помню историю, — сказал Лобов, — опричники — это самая настоящая банда маньяков-убийц. Не слишком ли опасно там находиться, Валентин? Тем более что и информация о рыбасоидах у тебя только косвенная. Может быть, попробовать попасть в другое время?

— Бесполезно, Роман Михайлович. С этим браслетом я попадаю в одну и ту же эпоху и в одно и то же тело.

— Так, может, бог с ним, с браслетом? Найдем другой материальный носитель времени.

— Но ведь вы же его еще не нашли?



— Нет. Мы и не искали.

— Когда найдете, тогда и появится предмет для обсуждения. А пока что я со своим Михайлой Митряевым попробую чего-нибудь добиться. Сколько я летал, Роман Михайлович?

— Почти восемь суток.

— От Ракитина не было известий? Все-таки у него большой опыт проведения силовых операций. Думаю, мне понадобится его помощь. По крайней мере, хотелось бы на это надеяться.

Лобов скептически хмыкнул.

— В ближайший месяц я и не ожидаю, что он проявится. — Лобов опять хмыкнул и покачал головой. — Я об этом и говорю, Валентин. Ты сам чувствуешь, что ситуация там слишком опасна. Давай остановим полет.

— Ни в коем случае, Роман Михайлович, — энергично воспротивился Валентин. — Уровень опасности в любую эпоху будет достаточно высоким. Ведь там приходится не мозги крутить людям, что мы успешно проделываем в настоящем, а вступать в прямое противостояние. Да и рыбакоидов надо ведь уничтожать не как-нибудь, а физически. И здесь уж ничего не изменишь. А с этим опытом, сами знаете, у меня пока не очень густо. Потому и спросил о Саше.

— Д-да... — Лобов ненадолго задумался. — Наверное, поторопился я. Давай отменим полет и дождемся возвращения Ракитина.

— Еще чего! — возмутился Валентин. — И не нужен мне Ракитин вовсе! Это я так просто спросил... Помощь опытного в военном деле человека не помешает. А нет его — так и не надо. Своими силами обойдемся. Я там вполне боеспособную команду собрал. — Во время этого диалога Валентин так и не оторвал взгляда от компьютерного экрана. Наконец он покончил с чередой фотографий и отложил компьютер. — Все, Роман Михайлович. Я готов. Отправляйте обратно.

— Ты уверен? — все еще колеблясь, спросил Лобов.

— Абсолютно. — Валентин вновь лег на кушетку и вытянул руки вдоль тела. — А кстати... Что-то Нины Федоровны не видно. Она здесь?

— Нет. Все никак не закончит со своими пенсионными делами. Так... Ты готов?

— Да.

— Начинаю отсчет. Смотри в глаза... — Лобов перещелкнул пару каких-то переключателей. Раздался негромкий жужжащий звук генераторов электромагнитных полей. — Один, два, три...

Валентин вновь оказался перед своим порталом и, внимательно оглядев его, удовлетворенно хмыкнул. Добротное все-таки сооружение получилось. Он прошел сначала одни ворота, запер их и прошел ко вторым. Бросил оттуда последний взгляд через окно на Веру и Лобова. Сделал им прощальный жест рукой, как космонавт перед стартом.

— Будь осторожен! — Это Вера.

— Удачи тебе, Валентин! — Это Лобов.

Валентин прошел вторые ворота, тщательно запер их и дождался, пока белый туман, клубившийся у его ног, не начал взбухать, заполняя собой все пространство. Тогда он шагнул в него и, оттолкнувшись от земли, поплыл, поплыл...

Проснулся Валентин от какого-то шума. Оттолкнул в сторону огромную подушку, почему-то оказавшуюся у него на лице, и сел в постели. Точно, требовательный стук в дверь.

— Кто там?

— Эй, земский, царевич велел тебя разбудить. К заутрене пора!

— Сейчас иду!

За дверью кто-то громко затопал сапожищами, удаляясь. Не теряя времени, Валентин принялся одеваться. «Показательные выступления прошли удачно, — мысленно констатировал он. — Теперь начинается самое трудное и ответственное — каждодневная кропотливая работа».

## II

Предложение Лобова категорически не понравилось Валентину. Приостановить полет и дожидаться... А чего дожидаться? Возвращения Саши Ракитина? Бред какой-то... Получалось, что опытнейший слипер с почти десятилетним стажем этой весьма специфической работы при полетах в прошлое котируется ниже фактического новичка, можно даже сказать, салаги в их непростом деле. Нет, этого Валентин допустить никак не мог. Да, он понимал, что Ракитин добился определенных успехов, и теперь в глазах Лобова он в некотором роде эксперт по полетам в прошлое. Тем больше причин было у Валентина доказать шефу не просто свою профессиональную состоятельность, но и превосходство. Валентин являлся лучшим и намерен был оставаться таковым и впредь. А для этого надо было поторопиться с поисками Рыбаса и его рыбасоидов. Но, как назло, с выполнением этой задачи все обстояло как раз не очень удачно. А если уж быть точным, то совсем неудачно. По сути дела, рассказ князя Линского об исчезнувшем опричнике оставался единственным косвенным свидетельством того, что рыбасоиды присутствуют в царском окружении.

Первым делом Валентин постарался найти опричников, убивших в Ярославле Ваньку Рыжего. С помощью князя Линского это оказалось не столь трудной задачей, как представлялось изначально. Один из этой четверки молодцов — тот, кому достался браслет, — уже погиб. Остальных Линский без труда обнаружил среди своих ближайших дружков, порасспросив их о событиях в Ярославле. К великому сожалению Валентина, рыбасоидами они не были, а Ваньку убили, оказывается, вовсе не из-за браслета.

Пути этой компании пересеклись с Рыжим на одном из постоянных дворов между Ярославлем и слободой. В пьяной ссоре Ванька не только умудрился поколотить четверых опричников, но заставил их бежать с постоянного двора

самым постыдным образом. Их коней же Ванька увел с собой в Ярославль, где и продал, видимо, с выгодой для себя. Но на его беду один из этой четверки был ярославцем, опознавшим Рыжего. С его помощью им и удалось разыскать Ваньку. А разыскав Рыжего, опричники с ним поквитались и за свой позор, и за нанесенный им ущерб. Браслет же взяли просто так, как занятную безделицу. На память о рыжем хвастунишке, бахвалившемся своей силой.

Была у Валентина сильная надежда на немцев, служивших в опричной дружине. Таковых оказалось десятка два. Их физиономии он изучил самым тщательным образом, мысленно сравнивая их с лобовской базой данных. Нет, таких лиц в лобовском фотоальбоме не было. Однако это вовсе не свидетельствовало о том, что они не могут быть рыбасоидами. Но для их проверки надо изобретать какие-то другие методы. Неплохо было бы заполучить сюда на денек-два Нину Федоровну. За нею числилось одно замечательное умение — она наяву видела ауру человека. И не только человека, но и рыбасоида. И очень даже элементарно их по этой самой ауре вычисляла. Валентин так не умел. Люди вообще все разные, и люди со сверхспособностями тоже. Один лучше умеет одно, другой — другое. Нет, в принципе если поднапрячься, то ауру какого-нибудь одного субъекта и Валентин сумел бы разглядеть. Но такое получалось у него, только когда он находился в собственном теле.

Не поставь Лобов вопрос о фактическом отстранении его от задания (пусть и под предлогом заботы о его безопасности) — Валентин обязательно попросил бы отправить вместе с ним Нину Федоровну на пару деньков. В сложившейся же ситуации приходилось рассчитывать только на себя.

А постоянных обитателей в Александровской слободе обреталось немало. Одних опричников тысяча шестьсот человек плюс царский двор какой-никакой. Хоть и считался двор на походном положении, но несколько сотен человек все равно набиралось. Да еще опричники, полу-

чившие от царя поместья и жившие в них. Эти тоже частенько наезжали в немалых количествах и жили в слободе по несколько дней. Торговцы, торгующие вразнос, скomorохи и крестьяне, привозящие свою продукцию на продажу, околачивались в слободе регулярно, но вероятность маскировки рыбасоидов среди людей столь низкого звания рассматривалась Валентином как нулевая. Не то пришлось бы еще не одну сотню человек просматривать.

С просмотром рядовых опричников Валентину здорово помог дон Альба. Царевич Иван, памятуя о параде, устроенном в его честь, пристал к своему новому другу с требованием обучить сему искусству его опричную дружину. Валентину это было только на руку. Теперь дон Альба не меньше двух часов в день занимался с личным составом, свободным от караулов и нарядов, строевой подготовкой. Поначалу он и сам был недоволен этим своим новым заданием, совершенно не понимая, зачем воину нужна эта шагистика. Но Валентин убедил его в полезности данного занятия, доказывая, что, чем больше сил оставят опричники на плацу, тем меньше у них останется на всякие пакости. Благодаря же этим занятиям Валентин получил возможность внимательно разглядывать физиономии царских дружинников.

Но кроме задачи поиска Рыбаса и рыбасоидов существовала официальная цель, собравшая воедино их команду, — перетянуть царевича на сторону земщины и таким образом покончить с разделением Русской земли, неизбежно ведущим к гражданской войне. И для достижения этой цели Валентин велел каждому по мере возможности вживаться в обстановку, знакомиться с людьми, заводить как можно больше приятельских отношений.

Так уж получилось само собой, что на первом же пиру все они были приняты в опричное братство. Вроде бы никто и не объявлял об этом, и процедуры инициации никакой не проводилось, но прислал им царевич Иван в дар монашеские рясы, тем самым уравнив земских посланцев

со своими, опричными. И Ероха с Силкой таким положением охотно и умело пользовались. Заведя множество знакомств среди рядовых опричников, они уже и службу чуть ли не на равных с ними несли. Во всяком случае, какой бы отряд ни отправлялся за пределы слободы, Силка и Ероха были в его составе. И главным для них в такой поездке было даже не столько помешать опричным набезобразничать и напаскудничать, сколько следить и выявлять любую странность.

У дона Альбы с наведением мостов дружбы и приязни дела обстояли посложнее. Испанца, ежедневно гонявшего их по плацу, рядовые опричники дружно возненавидели. Так что отправиться вместе с ними куда-нибудь за пределы слободы дону Альбе и в голову не могло прийти. При первом же удобном случае любой из опричных наверняка с удовольствием всадил бы ему пулю в спину. А тут еще и Валентин подсыпал перчику в эти непростые отношения. Заручившись согласием царевича Ивана (без зуботычин, мол, не выучить воина настоящему строевому шагу), Валентин разрешил испанцу пользоваться в процессе обучения и кулаком, и палкой. Валентину было необходимо увидеть реакцию обучаемых на боль (памятуя о том, что у рыбасоидов существенно, по сравнению с людьми, занижен болевой порог), но дона Альбу, однако, излишне увлек сам процесс.

Особенно доставалось двум немцам: Краузе и Штадену. Валентин в конце концов не выдержал, сделав испанцу выговор:

— Дон Альба, я тебя просил бить каждый раз разных, чтобы я мог увидеть их реакцию. Мне это для дела нужно. А ты колотишь этих несчастных немцев беспрестанно!

— А что я могу сделать, — оправдывался испанец, — если они самые тупые и ленивые.

Так это было на самом деле или нет, Валентин не знал. Скорее всего, у дона Альбы на немцев вырос огромный зуб с тех самых пор, когда он в Германии сражался с еретиками.